

Глава XXXIX

Невидимый Попутчик догоняет Невидимые Силы, а Мистер Грейджиус зрит картину и кольцо

Оказался ли климат на поднебесных высотах Очарованной Страны Волшебного Горошка нездоровым, или же ему пришлось не по силам уединенная затворническая жизнь, которую он вёл столько месяцев под страхом постоянного открытия, только здоровье Невилля Ландлесса видимо расстроилось, и когда этот несчастный юноша был перевезён вместе с сестрою на квартиру Мисс Кип, все друзья его содрогнулись, так страшна показалась им перемена, произошедшая с ним к худшему.

Хотя он редко жаловался, но Криспаркль, как и Грейджиус, давно заметили в нём необыкновенную прозрачную желтизну лица и ввалившиеся, ярко святающиеся глаза; и чувствуя, – что теперь, когда он жил на глазах у всех и когда не было для него близкой опасности со стороны Джаспера, – что время не следует более терять, они, несмотря на нежелание Невилля, потребовали к нему доктора – одного из знаменитейших. Доктор не замедлил явиться на зов и после тщательного осмотра больного, в продолжение которого он стучал пальцами правой руки, украшенной брильянтовым солитером, по костям левой, украшенной двумя брильянтовыми солитерами и растопыренной по всем частям груди, желудка и спины Невилля, «знаменитый» задумывался, пыхтел и прикладывал ухо к тем же частям, делаясь очень красным в лице при этом и пыхтя еще более. После чего он потребовал себе умыть руки и так же тщательно стал оттирать свои солитеры, полируя их в том же молчании, как и при осмотре; окончив оба процесса, он взялся за шляпу, видимо, поджидая таинственного пожатия руки одного из джентльменов, ожидающих его мудрого решения с тяжелыми сердцами. Убедившись с тем характеризующим его братию тонким чувством осязания, что пожатие руки Преподобного оказалось пятифунтовым билетом Английского банка, «знаменитый» решил изречь свое решение; и конфиденциально поманив разукрашенным пальцем Мистера Криспаркля, а затем и Мистера Грейджиуса, он отвёл их в соседнюю комнату и объявил с приятной улыбкой на жирных красных губах, что их *protégé*¹ одна лишь развалина, душевно, как и телесно, и может умереть с часу на час от сильнейшего, найденного в нем «знаменитым» расширения сердца; и, облегчив свою совесть таким точным исполнением обязанности, знаменитая звезда медицинского фирмамента², изящно раскланявшись, села в свой собственный брoгэм³ и отправилась чертить пятифунтовые гороскопы другим пациентам.

После многократных совещаний и даже консультаций с другими такими же, как и менее знаменитыми медиками, из которых самые добросовестные объявляли, что никакие лекарства, кроме величайшего душевного спокойствия, не помогут в болезни молодого Ландлесса, а другие наводняли в продолжение нескольких недель соседнюю аптеку самыми мудренными латинскими словами, начерчен[н]ыми на изящных рецептах, бедный Криспаркль решил не мучить более Невилля и предоставить жизнь его в руки Того, на кого Одного он надеялся.

Одно время Невиллю, казалось, стало лучше, и он с оживленным взором и пылающими щеками проводил по несколько часов в обществе сестры своей и маленькой Розы. Но в скором времени он стал опять впадать в сделавшиеся ему привычными припадки меланхолии, столь губительные для его болезни, и Мистер Криспаркль потерял всю возвратившуюся было к нему надежду.

Кротко и терпеливо ухаживала за братом страстно любящая его сестра. Елена ничего не знала о столь близко предстоящей опасности и твёрдо была уверена, что если бы нашлась возможность заставить его забыть на некоторое время бесчестное обвинение Джаспера, то Невиль в очень скорое время снова бы поправился.

¹ *протезе* (фр.).

² небосвода (англ. firmament).

³ Брoгам (англ. brougham) – четырехколесный экипаж с закрытым кузовом на двух человек и козлами для кучера впереди, построенный по эскизам лорда Брума (Брогама) в 1854 году.

В одно утро Елена сидела вместе с Розой в знакомой нам приемной, и можно было предположить, что между ними шел очень серьезный и грустный разговор, так как первая сидела с заплаканными глазами, а Роза была чрезвычайно печальной.

«Он сказал мне сегодня, что ему не для чего и не для кого жить, – говорит Елена. – Теперь только начинаю я серьезно за него бояться».

«Милая моя Елена, вы не должны так предаваться ничего не значащим предчувствиям; я почти уверена, что здоровье Невилля не так плохо, как вы себе то воображаете. Развеселитесь, дорогая моя, и не тоскуйте так заранее».

И маленькая Роза, обвив руками прекрасную, наклонившуюся к ней головку, нежно целует ее смуглые щеки.

Но Елена начинает еще сильнее рыдать, несмотря на искренние утешения приятельницы.

«Нет, моя милочка, я вижу, что вы и не понимаете настоящую причину моего горя, – отвечает она, еще крепче прижимаясь к детскому личику Розы. – Я стараюсь не верить, пока могу, в близкую опасность касательно его жизни; хотя лучше бы желала я, в тысячу раз лучше как для него самого, так и для меня, видать его мёртвым, нежели ведущего такую ужасную мученическую жизнь! Смерть его была бы только избавлением и следствием Воли Всевышнего; но видать его, как день за днем он страдает в благороднейших, лучших чувствах своих, зная, что за ним гнались, как за диким зверем, за вором или убийцей, пока принудили его действительно вести жизнь преступника, скрываться и прятаться от людей, – и всё это только из-за того, чтобы удовлетворить кровожадную месть негодяя, который знает так же, как и сам он или мы с вами, до какой степени невинен Невиль в взводимом на него преступлении, и всё-таки продолжает преследовать его; когда я начинаю думать об этом и вижу, что мой бедный брат так же далёк сегодня от избавления, как был он далёк от него с первого дня, – я чувствую, что или должна выплакать свое горе, или же сойти с ума. Я боюсь одного, чтобы Невиль не увидал моих слёз; они удвоят собственное страдание его. Он уверен, что я сильна духом и уповаю на будущее, и потому только и сносит свое горе, пока видит, что я не отчаиваюсь. Заметь он малейшее колебание во мне, и он погиб, а я, видит Бог, не могу долее поддерживать его надежду в то, чему сама верить не могу!»

«Но, дорогая моя, – говорит Роза, – мне действительно кажется, что вы напрасно так отчаиваетесь за будущее. Верьте мне, мы окружены друзьями, и эти дорогие друзья не успокоятся, пока не откроют тайну, поглотившую бедного Эдди. А ведь как мало нужно иногда, чтобы напасть на след, и этот след тотчас же освободит Невилля от лежащего на нём обвинения. [Ни] Мистер Крипаркль, ни мой опекун не отчаиваются еще, и оба уверены, что скоро для всех нас наступят лучшие дни и мрак рассеется. Не знаю, как вас, а меня это сильно ободряет, и я чувствую, что Джаспер, этот гадкий, злой человек, будет наказан рано или поздно за преследование бедного Невилля; и знаете ли, я часто-часто обвиняю себя во всём этом! Если бы в прошлое Рождество меня не было бы на свете, то не пропал бы, может быть, ни бедный Эдди, ни Джасперу бы не было бы причины преследовать вашего брата. Разве вам не приходит та же мысль, как и мне, Елена? Вы никогда, никогда не ненавидите меня, – скажите?»

И хорошенькие черные глазки блестят от сдерживаемых слёз, а побледневшее от собственного вопроса хорошенькое личико со страхом наклоняется над Еленой.

«Как можете вы делать подобные странные вопросы, глупое дитя? – ласково отвечает Елена. – И за что буду я обвинять вас или ненавидеть. Я так способна ненавидеть вас, что если бы нам пришлось расстаться теперь, а я осталась бы в полной уверенности, что никогда не услышу более вашего дорогого мне голоса и никогда не увижу вас, то с радостью бы легла тотчас же сама в гроб. Я люблю вас, Роза, слышите, люблю вас столько же, насколько ненавижу смертельной ненавистью мерзавца, измучившего нас всех... О! Когда бы могла я держать его, только его, в продолжение пяти минут под рукою... с каким наслаждением бы я убила его!»

Смуглое великолепное лицо молодой девушки разгорелось при этих словах, а черные глаза метали молнии. С невольным чувством страха любовалась маленькая робкая Роза этой красивой тигрицей и, несмотря на свою собственную ненависть к Джасперу, испугалась за него...

«Вы пугаете меня, Елена, дорогая моя! – говорит она наконец после мучительного молчания. – Сегодня я вижу во второй раз в жизни моей подобное страшное выражение на вашем лице. Помните, когда я раз сказала вам в “Доме Монахинь”, как он преследует меня. О!.. Неужели вы решились бы на что-нибудь ужасное?»

Снова черные, как смоль, глаза мечут искры, но цыганское прекрасное лицо выражает нежную, почти материнскую любовь к сидящему возле нее ребёнку и уж не пугает его более.

«Я знаю, Роза, – говорит она, не отвечая на ее вопрос. – Я знаю и сознаю сама, что я страстная, необузданная женщина во всех чувствах своих, в любви, как и в ненависти. Если я способна каждую минуту пожертвовать собой для любимых мною, – то зато, когда я ненавижу, ненависть моя не знает пределов и так всасывается она мне в сердце, что одна смерть может охладить подобное чувство. Вы видели меня, когда терпеливо сносила я и унижение, и горе, выпавшее на долю бедному брату моему, для того лишь только, чтоб лучше поддержать его и подкрепить в минуты отчаяния. Доколе успеваю я доставить ему этим хоть малейшее облегчение, я довольна, и врагу нашему нечего страшиться от меня; я чувствую к нему одно презрение пока. Но если брат мой погибнет, если преследования этого чудовища доведут несчастного, невинного мальчика до могилы, то пусть бережётся тогда низкий трус – десять тысяч таких преступных жизней, как его, не удовлетворят меня за жизнь моего любимого, драгоценного брата!»

Крепко стиснуты белые зубы, и поднятая с страшной угрозой рука остается в воздухе, как окаменелая, уподобляя Елену Ландлесс самому Ангелу Мщения.

Дрожащая Роза бросается к ней на шею, стараясь успокоить её самыми приятными перспективами будущего наказания, ожидающего Джаспера по уверению опекуна. Видя тщетными усилия свои в том и замечая, как дрожит от сдержанной ярости Елена, она прибегает к последнему средству, как для утешения подруги, так и ради собственного облегчения, и начинает рыдать.

«Милая, дорогая моя, успокойтесь, – говорит она, – если любите меня... О, Боже мой, Боже мой, – восклицает бедная Роза отчаянно. – Сколько горя и несчастья принесла я всем вам; зачем только родилась я на свет! Если бы не родилась я, бедный Эдди был бы жив и здоров, вы и Невиль были бы счастливы! Кому, когда принесла я малейшую пользу! Зачем не родилась я на островах Южного океана⁴ или меж Готтентотами⁵, лучше бы было то и для вас, и для меня».

И переполненная горестью за эту гибельную ошибку судьбы, она начинает еще сильнее рыдать, ломая свои розовые пальчики.

Теперь наступила очередь Елены утешать своего маленького друга, и она старается переменить разговор, спрашивая её, почему ей кажется с некоторого времени, будто Роза старается избегать брата ее?

«Вы разве совершенно уверены, – отвечает Роза, колеблясь и немного смущенная, отирая блестящие слёзы с лица, – так и уверены в том, что я избегаю его?»

«Может быть, мне *это* только показалось, но и Невиль заметил то же, что и я; но его просто убила бы мысль о том, что я повторила вам это замечанье, поэтому не сердитесь на меня, милочка, и не отвечайте, если не хотите. Я уверена, что всё, сделанное вами, так и должно быть... Но он еще вчера спрашивал меня, как я думаю, не неприятно ли его общество Мисс Бёд? И на мое опровержение он грустно покачал головою и заметил, что он давно уже стал убеждаться в том, что вы избегаете встречаться с ним, – не только что оставаться с ним одной. Все старания мои оказались тщетными, и я не успела уверить его в противном».

«Милая моя, – говорит Роза после минутного колебания, грустно целуя подругу, – мне жаль, что ваш брат может приписывать мне подобное чувство незаслуженного к нему отвращения; он ошибается в причине, но как ни больно мне это выговорить, не ошибается в самом действии. Лучше уж нам разом понять друг друга. Вы знаете так же, как и я, что главная причина в преследовании Невилля со стороны Джаспера была несчастная ваша Роза. Любя вас, я не могу не чувствовать дружеской привязанности и к брату вашему, – но я заметила, что этим он не удовольствовался бы. Поэтому, боясь за него и через Джаспера и, признаюсь, боясь также обнадежить и самого его в том, чему никогда не быть, я предпочла избегать его по возможности. Видит Бог, что я старалась всеми силами своими не дать ему заметить этого. Но, к несчастью, видно, я не родилась для хитрости. Тот факт, что бедный Эдди и Невиль поссорились из-за меня в Клоистергэме, дал мне право предположить, что ваш брат надеялся на то, чему никогда не

⁴ Южный океан – наименование совокупности южных частей Тихого, Атлантического и Индийского океанов, окружающих Антарктиду и нередко выделяемых как «пятый океан», не имеющий, однако, четко очерченной островами и континентами северной границы.

⁵ Готтентоты – этническая общность на юге Африки.

сбыться, повторяю снова вам, на дружбу которой я столько надеюсь, что уверена, что вы не разлюбите меня за грустную истину. Милая Елена, дорогой любимый друг мой, простите меня и не вините за то, что я не могу любить Невилля, – я знаю, он достоин любви самой лучшей, самой благородной из всех женщин, но на мою любовь он не может рассчитывать, я люблю другого, – и открыла это чувство в себе, когда уж было слишком поздно! Пожалейте меня, Елена, и не сердитесь. Я так несчастна! Горько виню я себя в том, чему теперь невозможно уж помочь. Я была глупой, ветреной девочкой в то время и не понимала собственных чувств моих... О, бедный, бедный мой, погибший Эдди!»

Спрятав личико на грудь своей верной подруги, маленькая Роза снова начинает горько рыдать, а прекрасное, полное нежного сочувствия к ней лицо низко наклоняется, чтобы скрыть собственные слёзы за разбитые надежды любимого брата.

Какая удивительная перемена произошла между⁶ избалованным, беззаботным ребенком, пансионеркой «Дома Монахинь» и этой плачущей, испытанной горем молодой девушкой. Как необдуманно рвала она в то время розы, бросая их далеко от себя и сохраняя одни лишь тернии, и как горько сожалела она теперь о том, что не видала их заранее, – теперь, когда уж стало слишком поздно, и розы эти увяли и рассеялись.

Она едва успела успокоиться, как служанка явилась объявить им, что у дверей ожидает Мистер Криспаркль, и следует ли просить его к ним в верхнюю гостиную.

«Ах, Боже мой! – восклицает Роза, – что подумает он обо мне, что я такая заплаканная! Но всё-таки попросите его скорее наверх!»

Преподобный Криспаркль осведомляется, как только они обе входят в гостиную, о здоровье Невилля и, услышав грустный ответ Елены, что ему если не хуже, то и не лучше, высказывает искреннее сожаление.

«Тем более неприятно я изумлен этим известием, что оставил его, уезжая отсюда в последний раз, сравнительно в чрезвычайно спокойном состоянии против прежнего. Но я надеюсь, что теперь он скоро поправится, тем более что я готовлю для него приятнейший сюрприз, который разом подымет его на ноги. Сюрприз этот будет столь же радостным и для вас обеих, мои милые лэди, – добавляет добросердечный Каноник, весь сияя улыбками. – Угадайте».

Обе девушки смотрят на него молча, но с бьющимися сердцами.

«Но вы должны прежде всего, – продолжает Криспаркль, – дать мне честное слово, что не станете расспрашивать меня о разных подробностях – до Рождества».

Он обращается к обеим им, но смотрит на одну Елену, которая обещает ему исполнить требуемое. Взглянув на Розу, Мистер Криспаркль замечает, что она очень побледнела и глядит на него вопросительно, едва дыша.

«Обстоятельства переменились, – начинает снова Минор-Канон, – и скоро все печали и невзгоды, постигнувшие нас Прошлым Рождеством, изменятся на радость и хвалы Тому, Кто невидимо для нас приготовляет нам столько утешенья, когда мы менее всего ожидаем их».

Роза дрожит и бледнеет еще более, а Елена впивается в говорящего своими огненными глазами. Наконец, не выдержав более, первая подходит к нему и голосом, который прерывается от страшного внутреннего волненья, спрашивает Минор-Канона:

«Эдди – жив?»

Он ласково берет её за руку, как бы желая приготовить к этой великой радости, и, подняв глаза к Небу, торжественно произносит:

«Воздадим хвалу нашему Небесному Отцу за всю благодать и милость Его, Эдвин Друд жив и невредим!»

Широко открыв глаза, как в припадке сомнамбулизма, маленькая Роза прижимает обе руки к сердцу и падает на руки Минор-Канона без чувств, в то самое время как Елена, медленно опускаясь на колени, высоко воздымает руки к Небу, восклицая в порыве восторженного счастья:

«Благодарю тебя, о Боже Всемогущий! Благодарю за то, что очищаешь Ты невинного брата моего от вечного позорного пятна человекоубийства, так долго тяготевшего на нём! Благодарю Тебя и за то, что наконец рассеян мрак, скрывавший доселе низкого преступника!»

⁶ Далее зачеркнуто: *этим*.

Слабость Розы проходит почти так же скоро, как и овладела ею. Не успевает испуганный Криспаркль бережно опустить её на близстоящее кресло, как она раскрывает глаза и, мгновенно вспомнив всё сказанное, под влиянием неописанной радости, всплеснув руками, восклицает:

«О радость! О счастье!.. Эдди жив, жив! Я снова увижу его... О Боже, Боже мой, как... о как благодарить мне вас всех? Благослови, о Благослови вас Бог, Мистер Криспаркль!»

И не помня себя от восторга, к неописанному удивлению и замешательству молодого Каноника вдруг бросается к нему на шею и горячо целует, целует в обе краснеющие щеки смущенного джентльмена.

После чего, вспыхнув как огонь от своего необдуманного поступка, она зарывает головку под диванной подушкой и – начинает рыдать; но на этот раз это слезы давно невиданной ею радости.

Розы снова появляются на пути жизни ее, а тернии приближаются к смуглой подруге.

Успокоившись немного, они все трое собираются уж идти к Невиллю, чтобы обрадовать его неожиданным известием, когда дверь открывается и Мисс Кип, видимо взволнованная, вбегает в комнату, восклицая:

«Ступайте все скорее к Мистеру Невиллю,
Несчастный юноша теряет всю уж силу!»

Как громом пораженные, Елена и Криспаркль с ужасом глядят на неё, пока она объясняет им, наконец, прозой следующее:

«Преподобный сэр, и вы, молодая лэди! Что-то недоброе приключилось с Мистером Невилем. Одна из служанок, выходя из моей комнаты, которая, как вам известно, находится возле комнаты, что служит приемной для вас, только что нашла его, лежавшего без чувств на верхней площадке лестницы. Крики ее испугали меня; я в первую минуту было подумала, что он совсем умер, но, подойдя ближе, услышала слабые стоны. Мы тотчас же перенесли его и уложили в его спальней на диван, а затем я поспешила уведомить вас».

Последние ее слова адресуются к одной Розе, так как при первом известии о случившемся Криспаркль бросился вслед за Еленой наверх; но Роза, колеблясь и не зная на что решиться, сидит в неловком и грустном раздумье на диване, и хотя искренно сочувствует бедной Елене, но не может пока изгнать из сердца своего преобладающего в нём чувства радости вследствие переданного ей Минор-Каноником известия об Эдди. Чувствительная и добрая Мисс Кип опускается возле нее на кресло и продолжает печальные свои замечанья о Невиле.

«Я сильно жалею об этом молодом джентльмене, – говорит она, – видя, как он день ото дня худеет и чахнет. Тем более жалею я об нём, что знаю, как искренно привязан он к Музам,⁷ вследствие чего и должен вдвое более страдать и чувствовать свою болезнь, нежели другие».

Почему именно является в ней эта странная уверенность в зловредном влиянии любимых ею Муз на человеческие немочи, Мисс Кип не объясняет, а Роза и не спрашивает, так как решила, что ей лучше идти наверх и помочь подруге в случае надобности. Но поэтическая хозяйка еще раз останавливает её на пороге патетической импровизацией:

«Да, я боюсь, Мисс Бёд, за юношу больного,
Струна ослабла жизни в сем любимце Муз,
И ждать мы не должны исхода с ним иного,
Как зреть полёт души из сих телесных уз!»

Невзирая на всё свое уважение к сей престарелой Импровизаторше, Роза, вложив два пальчика в оба уха, быстро убегает от неё и идёт к Невиллю.

Невиль обращает глаза на входящую Розу, и слабый румянец вспыхивает на его бледном лице, как прощальный луч солнца на темнеющем западе. Возле него стоит Мистер Криспаркль и ласково держит за руку, нагибаясь к больному.

«Невиль, мой дорогой мальчик, – говорит Минор-Каноник, – что это такое значит? Я оставил вас весёлого и почти здорового несколько дней тому назад. Вы, верно, поступили как-нибудь неосторожно без меня?»

И он старается весело глядеть в лицо больному, но Невиль грустно качает головою и говорит:

«Недолго стану я беспокоить вас еще за себя, Мистер Криспаркль. Конец – недалёко».

⁷ Далее зачеркнуто: *и*.

Он останавливается, чтобы перевести дыхание, и, положив руку на грудь, шепчет:

«Это жгучее страдание становилось не по силам мне».

Рука опускается безжизненно, а глаза его наполняются слезами.

«Мой милый мальчик, что могу я сделать для вас, говорите, – спрашивает огорченный Минор-Канон. – Я пошлю за доктором».

«Никакой доктор не поможет мне на земле, – отвечает голос, еще слабее прежнего. – Мои страдания подходят к концу, и я жалею только об бедной Елене, которая останется после меня одна на свете. Зачем, для чего мне жить, когда вся жизнь моя связана по рукам и по ногам?»

Голос его прерывается, а лицо становится так бледно, что перепуганный Криспаркль просит Розу послать скорее за доктором.

Слабая, печальная улыбка освещает черты Невиля и, открыв глаза, он тихо просит Минор-Канона остаться с ним на несколько минут наедине, и затем делает слабый знак рукою плачущей Елене увести Розу и оставить их вдвоем. Она смотрит на Минор-Канона, и тот повторяет ей просьбу брата. Тихо наклоняется Елена над бледным лицом умирающего мальчика и, сделав над собою нечеловеческое усилие, чтобы не выказать своего отчаяния, целует его в лоб и уходит с Розой.

Невиль просит Криспаркля повернуть его на сторону так, чтобы ему было удобнее смотреть ему прямо в лицо, и, слабо пожимая его руку, обращается к нему едва слышным голосом:

«Мистер Криспаркль, вы мой лучший, мой единственный друг на свете после Елены. И я вполне уверен, что вы поймете меня, когда узнаете причину всех моих страданий. Мне остается немного часов жить, – нет, не старайтесь убедить меня в противном, – продолжает он, заметив, что тот собирается прервать его. – Я чувствую это здесь, в груди, и потому умоляю вас обратить внимание на то, что я скажу, – как на слова умирающего человека».

Он останавливается как бы для того, чтоб собраться с новыми силами, и продолжает:

«Когда тело Невиля Ландлесса будет лежать под землей, – не забывайте, о не забывайте тогда, что последние слова его были клятвой в том, что он невинен в причине гибели Эдвина Друда!»

Умирающий смотрит тоскливыми, полными слез глазами на Криспаркля, как бы желая убедиться, насколько тот верит словам его.

Нежно отирает Минор-Канон с чела Невиля крупные капли пота, выступившего вследствие усилий его превозмочь физическую слабость, и отвечает с поспешностью:

«Невиль, мой бедный мальчик, я никогда не сомневался в невинности вашей, даже тогда, когда всё и все были против вас; тем менее могу ли я сомневаться теперь, когда явился к вам именно для того, чтобы окончательно успокоить вас, убедить, что вы совершенно вполне очищены от всякого подозрения и – соберитесь с силами – сказать вам, что Эдвин Друд нашёлся... Дорогой мой мальчик – Эдвин жив!»

Крик невыразимого восторга вырывается из груди больного, он силится привстать, но не в состоянии совладать с слабостью и тяжело падает навзничь.

Заметив смертельную бледность лица его и выступающий холодный пот, Минор-Канон с отчаянием в голосе зовёт Невиля по имени, упрекая себя в том, что убил его неожиданной радостью.

Но Ландлесс испускает тяжелый вздох и снова открывает глаза; слабым, прерывающимся от волнения голосом начинает он теперь расспрашивать Криспаркля, умоляя его повторить еще раз сказанное и убедить его, что всё это не сон.

«Нет, нет, мой добрый друг, не сон это, а действительность! – повторяет Преподобный Джентльмен со слезами на глазах. – Эдвин Друд жив и здоров, и золотой луч пробился, наконец, сквозь тьму, нависшую над вашей юной жизнью».

Небесная улыбка счастья озаряет лицо умирающего, в то время как подымая глаза в немой молитве, он произносит наконец:

«Теперь могу я умереть спокойно. Моя бесценная сестра не будет принужденной более скитаться отверженницей – клеймо позора брата ее снято с нее навеки!»

Слишком ясно для бедного, огорченного Криспаркля, что конец этой молодой жизни очень близок, но он делает над собой усилие и говорит весёлым тоном, стараясь обнадежить Невиля:

«Не говорите так уверенно, мой добрый Невиль, о близком конце своём; даст Бог, он не так еще близок и много счастливых дней приготовляет для вас будущее, – успокойтесь, постарайтесь уснуть теперь для подкрепления сил».

Невиль не отвечает и только грустно качает головой при этих словах надежды, которой никогда не сбыться более. Минор-Канон молчит и не старается более уверять его в противном.

Через несколько минут входит Елена, а за нею доктор, который, поспешно раскланявшись с Криспарклем, садится возле больного. Лицо этого нового медика выражает ум и чрезвычайную доброту; вероятно, вследствие этой последней, столь редкой черты в его невозмутимых собратиях он не успевает совладать с внутренними своими впечатлениями, и лицо его так красноречиво, в то время как он щупает пульс брата, что сестра, которая не спускает с доктора глаз, с диким криком отчаяния падает на близстоящий стул.

Невиль слышит этот вопль, и он раздирает ему душу. Нежно, с полным немой мольбы взглядом смотрит он на свою дорогую сестру и, сделав знак Криспарклю, тихо просит его увести Елену из комнаты.

Доктор встает и, пригласив Минор-Канона в другую комнату, объявляет ему с искренним сочувствием в добрых глазах, что Невиль может быть – хотя оно и невероятно – проживет до вечера.

«Горькая обязанность сопряжена с нашей профессией, сэр, – говорит он ему, – и часто более чем грустно бывает мне убивать в родных и друзьях последнюю надежду. Но ничто в мире не может спасти бедного молодого человека, и вам следует приготовляться к смерти его каждую минуту».

Медик уходит, а Криспаркль, воротившись на свое прежнее место возле Невилья, не в состоянии сдерживать долее горьких чувств своих.

Но в Невиле незаметно ни волнения, ни сожаления; ни одного слова ропота не выходит из уст его; напротив, светлая улыбка счастья озаряет черты лица его, увеличивая дивную красоту молодого человека.

«Не бойтесь за меня и не сожалеете, дорогой друг мой, – говорит он, слабо прижимая руку Минор-Канона к груди своей. – Я не боюсь смерти. Скажу более: если бы не мысль об Елене, которую я покидаю одной на свете, я был бы невыразимо счастлив в эту минуту. Чувствуя приближение столь желаемого освобождения, я хотел видеть вас поэтому самому наедине. Жизнь моя была недолгая, но зато, видит Бог, так мало было мне в ней радости, что я далёко не сожалею о ней».

Голос его снова прерывается, и он закрывает глаза, чтобы собраться с мыслями. Минор-Канон не прерывает безмолвия и даже не старается долее скрывать горячих слёз своих.

«Если мне случалось стремиться к несбыточному и предаваться сладким надеждам, которым было суждено разбиться скоро в прах, то зато теперь я мечтаю только о том, что не трудно будет вам осуществить, если вы только не откажете мне в последней просьбе моей».

Он останавливается в ожидании желаемого ответа. Голосом, прерывающимся от рыданий, Минор-Канон спешит убедить его, что он заранее готов исполнить свято всё, чего бы он ни пожелал.

Невиль становится так слаб, что Криспаркль спешит намочить виски и голову его одеколоном и заставляет выпить глоток воды. Собравшись с силами, он продолжает:

«Немного менее года, в те счастливые дни, когда я еще и не подозревал, сколько обрушится на меня горя, я создал в сердце у себя кумира – образ девушки, и с тех пор этот кумир не покидал меня более ни днём, ни ночью. В самые тяжелые часы затворничества моего, как в самые жестокие минуты преследования врага, присутствие этого любимого идола души моей поддерживало и утешало меня, заставляя надеяться, что когда-нибудь она узнает, как любима она, и полюбит меня в свою очередь. Убежденный вместе с прочими в смерти соперника моего, я давно бы высказал ей всё боготворение мое, если бы лишь знал наверное, что она не подозревает меня в взведенном на меня преступлении. Но я не имел, к несчастью, этой уверенности в себе, и многое заставляло меня подозревать в ней, что она любила умершего более, нежели любила его живым».

Он умолкает и просит Минор-Канона открыть один из ящиков бюро, где спрятана небольшая шкатулка. Затем, открыв её дрожащей рукою и вынимая оттуда полинялую голубую ленту, он снова переводит дыхание и говорит:

«Безделица, но, о Боже мой, какая драгоценность, однако, для меня!»

И две жгучие, блестящие слезы падают на ленту, которую он покрывает поцелуями.

«Она не знает даже, что подобное сокровище находится в моих руках; она и не должна знать. Бедная, бедная ленточка, столь ничтожная для всех, но столь драгоценная для меня – и с которой я желаю не расставаться ни в жизни, ни после смерти!»

Снова целует он её и продолжает после минутного молчания.

«Помните ли вы тот незабвенный для меня вечер в день первого нашего приезда в Клоистергэм, когда мы все собрались у вас? С ней сделалось дурно – и её посадили к открытому в сад окну; в ту минуту на ней была надета эта лента, но когда она отошла от окна, её уж не было на ней – я один заметил потерю, и когда все разошлись, нашел её на траве под окном. С той самой минуты я берёг её как самое драгоценное для меня сокровище – эта лента касалась её шеи; я и тогда боялся, что никогда не иметь мне ничего более от неё, кроме этой бедной ленточки, а теперь, да подкрепит меня Бог, я уверился в том!»

Грустно смотрит на него Криспаркль, но, не желая прерывать последней исповеди, продолжает молчать.

«Я знаю, что кажусь вам глупым и смешным, и если бы я не умирал, вы давно остановили бы меня, как бывало и прежде. Но я люблю её – Розу – с первой минуты нашей встречи так же страстно, как люблю её и теперь, хотя всё время – долгое, тяжёлое время для меня – успел сохранить свою любовь на самой глубине болящего сердца и не выдал себя ни словом, ни делом».

Минор-Канон начинает теперь смутно подозревать причину болезни Невилля, но всё еще не знает, что ответить умирающему юноше.

«Я начинаю – сильно – слабеть, – шепчет Невиль, – прошу вас, отворите окно – теперь уж поздно бояться простуды».

Окно открыто, и свежий Осенний Ветерок, врываясь в комнату, освежает лицо умирающего. Он сильно вдыхает воздух раза два и продолжает:

«Она не знает, как я её люблю, и пока я жив, она не должна этого знать; но когда всё будет кончено, а сердце перестанет биться, когда положат навеки уснувшее тело моё под зеленый дёрн кладбища, тогда, и только тогда, скажите ей, что Невиль Ландлесс умер, любя её, но молчал, предпочитая смерть – презрению, зная, что ей – его никогда не полюбить, любя другого... Молю вас – перевезти тело моё в Клоистергэм, там я буду счастливее, лежа под землей, по которой, быть может, ступала нога её – и где я увидел её впервые. Скажите ей, что я не виню её, но напротив – благословляю смерть, посылаемую мне – через неё!»

Осенний Ветерок снова ласкает чело умирающего, и хотя прикосновение его нежно и легко, как дыханье Ангела, оно, освежая его, подкрепляет силы, и он способен снова заговорить:

«Когда станут класть тело мое в гроб, заклинаю вас всем святым положить эту ленту мне на грудь и руку так, чтобы она отправилась со мною вместе до последнего жилища моего и чтобы погибший Невиль и потерянная лента могли бы вместе обратиться в прах. Попросите её навещать иногда могилу мою, скажите ей, что сердце мое было её, пока билось оно в живой груди, а душа моя будет принадлежать ей и на самых Небесах; и если может дух возвращаться на землю, то, прибавьте, что мой дух станет охранять её с любовью столь же чистой, какой была моя любовь к ней на земле. Обещайте мне исполнить всё это свято, и я умру спокойно».

Опять Осенний Ветерок тихо прокрадывается в окно и обвеивает грудь и лицо всё более слабеющего Невилля, как бы желая подкрепить еще немного силы умирающего мальчика.

Сильно растроган Минор-Канон и обещает свято исполнить последние предсмертные желанья, прося не беспокоиться и об Елене, о которой он будет всегда заботиться.

Слабая улыбка благодарности мелькает на лице Невилля, и он просит прислать сестру.

Криспаркль выходит на минуту и тотчас же возвращается с Еленой. Дикое горе сверкает в тёмных глазах молодой девушки, когда она приближается к нему; наклоняясь, она целует его в лоб и в ужасе отскакивая назад, и до такой степени кажется ей, что она целует уже мертвого, что она с воплем отчаяния хочет снова послать за доктором.

Но Невиль берёт её за руку и делает знак, чтоб она наклонилась к нему.

«Поздно, дорогая моя, – шепчет он с усилием. – Я должен расстаться с тобою, сестра моя; я уйду туда, куда уйдёшь и ты со временем, как и все другие. Не горюй, на то Божья Воля, чтоб отправился я первым... Наш добрый друг обещал мне позаботиться о тебе... и о моих последних желаньях... Не плачь, Елена... поцелуй меня еще...»

С раздирающим душу рыданием бросается Елена на брата и, крепко сжимая его в объятиях, готова, кажется, выступить на бой с самою смертью.

«Нет, нет!.. Мой любимый, мой дорогой брат... Я *не хочу*, чтобы ты умер... Я не могу снести этой муки! О Боже мой, теперь, когда лишь только засиял для нас луч счастья, – о нет, нет... Это невозможно!»

Бледнее самого Невилля, она рыдает и мечется в судорожных страданиях и падает на колени, зарывая голову в простыни, покрывающие его.

«Зачем... зачем вы не посылаете за доктором? – свирепо восклицает она, быстро вскочив на ноги и становясь перед плачущим Криспарклем с видом помешательства. – Не жестоко ли это с вашей стороны видеть, как он страдает, и не помочь ему?»

И снова припадает она к подушкам, обвивая брата мощными, прекрасными руками.

Тихо впархивает снова Осенний Ветерок, раздувая кисейные занавеси, и влечёт за собой заблудший солнечный луч... Луч недолго остается в комнате и, поиграв в волосах умирающего, исчезает, но Ветерок всё так же ласково веет свежим дыханьем своим на лицо Невилля.

Минор-Канон, сердце которого изнывает при виде такой грустной картины, спешит исполнить желание Елены и посылает за доктором, хотя и сознает в себе всю бесполезность этого поступка.

При входе доктора Елена вне самой себя от отчаянья припадает к ногам его и умоляет спасти брата ее в таких выраженьях душевной муки, что как ни привычен он к подобным сценам, но и его сердце сжимается от искреннего сочувствия.

«Дитя моё, – говорит он ей, – положение вашего брата вне всякой земной помощи. Успокойтесь и смиритесь перед Волей Всевышнего. Не терзайте последних минут жизни его подобным отчаяньем; вы не поможете себе, а для него смерть явится еще мучительнее».

Последнее замечанье его производит на Елену глубокое впечатленье. Вся сила энергии ее возвращается к ней мгновенно, и хотя смертельная бледность лица и судорожно сжатые губы и свидетельствуют еще о ее чувствах, но она садится уже возле Невилля, по-видимому, спокойная, как мраморная статуя.

Невилль выходит из своего полусознательного состояния, в которое он впал было на несколько минут, и глаза его, остановившись на Елене, смотрят на неё сквозь приближающийся мрак смерти с глубокой преданной любовью и сожаленьем.

«Елена, – выговаривает он, делая ей знак глазами приблизиться, – Елена... так лучше... и я буду менее страдать там... Я слышал сегодня утром, как она сказала тебе... что никогда-никогда не может полюбить меня. Теперь она счастлива, он вернулся к ней и это... убило меня... Не плачь, тяжело будет тебе первое время без меня, но ты... утетишься... хоть и никогда не забудешь меня совсем, – не правда ли?.. Не забудешь нашей преданной братской любви... не...»

Голова его опрокидывается назад, а голос прерывается на полуслове. Он закрыл глаза, теперь и лицо его так бледно, что Криспаркль и Елена, боясь потревожить приближающуюся смерть, умоляют доктора знаками убедиться, не всё ли кончено. Доктор наклоняется пощупать пульс и сердце и передает им шепотом, что теперь больной лишь сильно ослабел, но что подобное состоянье не может долго продолжаться и – через час, не долее, всё будет кончено.

Затем, раскланявшись с ними во второй раз уж в этот день, он берет шляпу и неслышными шагами выходит из комнаты.

Неподвижно сидят Криспаркль и Елена возле Невилля, боясь пошевелиться, и с жадностью прислушиваются к малейшему его дыханию. Лёгкий вздох вырывается из груди его и, полуоткрыв глаза, он начинает произносить, как бы говоря во сне, бессвязные фразы.

«Умерший... так, но не забытый! Оно и лучше... Если бы я остался здесь... она скоро забыла бы меня... О, как невыразимо... был бы я счастлив... если бы... Теперь поздно... всему конец... Увы!.. Неужели все кончено?..»

Так же безмолвно сидят они, не отрывая глаз от умирающего, и на некоторое время в комнате воцаряется страшная тишина. Слышно лишь как бьётся сердце Елены – и глухими, прерывистыми ударами стучит оно под конвульсивно прижатой к нему рукой.

Невиль снова открывает глаза и, взглянув на них тусклыми глазами, просит отдернуть занавески, чтоб еще раз взглянуть на Небо и на деревья Сквэра.

Криспаркль спешит исполнить желаемое, а Невиль приподымается с помощью Елены и, крепко обвив руками шею ее, глядит в открытое окно.

Маленькая птичка прилетает на близстоящее дерево и, весело чирикнув, перелетает на окно. Так тихо сидят все трое, что она продолжает прыгать, беззаботно заглядывая в комнату. Криспаркль и Елена, оба, замечают её, но Невиль не обращает внимания и пристально смотрит в окно. Перед ним расстилается серое осеннее Небо, и он как будто ожидает, чтобы раскрылось оно, с приветом ожидая Духа, который должен так скоро исчезнуть в нём.

Но вдруг всё лицо его озаряется лучами заходящего солнца. Лучи пробиваются сквозь осенние тучи и, осветив ярким светом черты умирающего, так же внезапно начинают бледнеть, исчезая один за другим.

Всё темнее становится тень, по мере того как поднимаются они и скользят всё выше и выше по лицу Невилля. Вот ползёт последний луч и достигает до глаз, оставляя нижнюю часть лица, уж покрытую бледностью смерти; вот дрожит он на лбу, рассыпая в волосах яркие искры.

«Они идут... за мной... они здесь... уводят меня... О счастье!.. Готов!.. Прощай, Елена... Она... Роза...»

Луч дрожит, искрится и исчезает.

Голос Невилля превращается в тихий, неслышный шепот, и бледная голова опускается на грудь сестры.

Осенний Ветерок влетает снова в комнату через открытое окно. Он еще нежнее и легче порхает, едва касаясь до мёртвого лица, как будто желая помочь освободившемуся Духу скорее улететь на Родину.

И маленькая птичка улетела с окна с последним вздохом Невилля. Не вестником ли радости летит она оповестить *Невидимых* о приближении еще одного Бессмертного, присоединенного к Сонму Жителей Страны Неиссякаемого Блаженства?.. Кто знает!

На долю живых выпадает печальная обязанность позаботиться о мертвых. Но в комнате остаётся один лишь живой человек – Криспаркль, так как Елена лежит на диване, холодная и бесчувственная, крепко прижимая к груди голову мёртвого брата. Требуются невероятные предосторожности и усилия, чтобы высвободить из ее объятий Невилля. Но, наконец, с помощью явившегося Тартара, который совершенно поражен этой внезапной смертью, и Мисс Кип, которая, заливаясь искренними слезами, забывает в эту минуту даже Муз, Мистеру Криспарклю удается перенести мертвого Невилля на постель, а бесчувственную Елену, почти не подающую признаков жизни, отправить в ее спальную на попечение рыдающей Розы.

Позаботившись о первых необходимых распоряженьях, Минор-Канон отправляется тотчас же к своему приятелю Мистеру Грейджиусу, чтобы уведомить его о смерти бедного Невилля.

В то самое время как Криспаркль занимался своей грустной обязанностью в отношении живых и мертвого, неутомимая престарелая личность, известная под псевдонимом Принцессы Курилки, нарядившись в то, что она называла Деловым Мундиром своим, но что оказывалось в глазах прочих смертных черной коленкоровой шляпкой, оригинальнее и громаднее даже той, которая скрывала ее *мумиеобразное* лицо в обыденные дни, и древней полинялой шалью, Принцесса оставляет свой Курятник, запирая дверь в комнату, наполненную полуночными, фантастическими виденьями добра и зла, вызванными раздраженными мозгами ее посетителей под безумным влиянием опиума. Проталкиваясь сквозь сплошные ряды полунагих, валяющихся детей, осыпающих узкие и грязные переулки в соседстве ее обители, Принцесса получает по дороге должные ее летам и занятию знаки уважения от собратий по ремеслу, которые следят за ней тусклыми взорами, отражающими, как в запыленном калейдоскопе, целый мир баснословных видений. Но она не обращает внимания на это любопытное зрелище, уподобляющее квартал

продавцов опиума зловредной чаще леса, густо покрытой ядовитыми грибами, и поспешно направляется через Друри-Лэн к западной части Сити.

Движения ее сделались осторожнее обыкновенного и напоминают еще разительнее приемы животных кошачьей породы. Быстрыми, неслышными шагами крадется она вдоль стен, то приостанавливаясь, чтобы оглядеться кругом, то снова двигаясь еще быстрее. Рука ее крепко сжимает что-то в кулаке, и для большей безопасности она держит её в кармане со стороны стоев.

Наконец, она подходит к Стэпл-Инну и после минутного колебания останавливается под привлекшим ее взгляд *П.Ж.Т.* С головою, наполненную одной преобладающей мыслью, таинственная надпись пляшет перед ее глазами, раздуваясь в ясные три слова, сладко являющиеся ее мстительному воображению в виде пророческого обещания: «Пропал Жаспер Теперь!», и она, не колеблясь более, стучит в дверь; мрачный голос отвечает ей войдти, и Принцесса, войдя в комнату, останавливается перед вопрошающим и не узнающим ее взором Мистера Грейджиуса.

Замечая эту странную фигуру, которая приближается к нему кошачьей поступью, не вынимая руки из кармана, как бы держа в глубине оногo какое смертоносное оружие, – первая мысль Грейджиуса та, что перед ним стоит убежавшая квартирантка из дома умалишенных. Мысль эта не уменьшается в нём, когда Принцесса, желая возбудить в нём память прошлого, пристально смотрит на него, не спуская глаз, и улыбается с выраженьем демонского торжества.

«Благослови вас Бог, добрый джентльмен, разве забыли вы уж совсем бедную старуху, у которой такие-то несчастненькие лёгкие, что никто и не слыхивал никогда о подобных им; старуху, которая так кашляет, что дух ее вырывается из тела по двадцати раз на день?»

Память Грейджиуса быстро переносит его на место встречи с ней в обществе Розы и так же быстро напоминает ему об услуге, оказанной старухой питомице.

Он ласково берёт её за обе руки и, сажая её на стул, добавляет, что никогда не забудет ее великодушного поступка.

«Садитесь, садитесь, моя милая, – продолжает он, вертясь возле нее с необычайной угловатостью движений. – Как поживаете, моя милая? Рад видеть вас наконец, моя добрейшая лэди. Так давно прошло с минуты нашего первого и, если смею так выразиться, последнего свидания, что я было и не узнал вас совсем!»

И он, усаживаясь наконец сам напротив нее, ныряет в свое обычное место на кресле возле камина и, мгновенно превращаясь в собственное каменное изображение, ласково смотрит на Принцессу.

Старуха таинственно кивает головой и, указывая выразительным морганьем глаз на пишущего в углу Баззарда, двигает беззвучно впалыми губами.

«Вы можете смело объясняться при этом джентльмене, – замечает Грейджиус, поглядывая с уважением на своего писаря. – Он, если смею так выразиться, первый здесь секретарь и главное поверенное лицо, от которого у меня нет сокрытых тайн».

«Нет, есть», – произносит внезапно поверенное лицо, не подымая головы.

«А! Стало быть, выходит, что я немного ошибся, – добродушно отвечает «Угловатый». – Но вы всё-таки не должны стесняться его присутствием, моя милая».

Старуха стягивает в ответ морщинистый рот и отрицательно качает головою.

«Если ваше дело касается до моей питомицы, Мисс Бёд, то можете смело говорить. Мистер Баззард принимал в несчастном, постигшем ее происшествии столько же участия, как и я сам».

«И не думал», – отрывисто буркает Баззард.

И встав из-за бюро, берет шляпу и выходит, не обращая более на остающихся ни малейшего внимания.

«Чрезмерно чувствительная натура, – замечает Грейджиус, указывая через плечо большим пальцем в направлении запирающейся двери. – Преданная и вместе с тем наблюдательная личность. Но теперь можете объясняться, моя милая. Что могу я для вас сделать взамен незабвенной услуги?»

Старуха снова качает головою, уверяя Грейджиуса, что дело ее с ним ничуть не касается до ее услуги.

«Если не видали вы меня с тех пор, ягнёночек, то не потому, чтобы я берегла свои старые кости аль ленилась зайти; и когда узнаете вы, мой добрый джентльмен, какое такое моё к вам

дело, так сами аж удивитесь без сумления, что такая старая, как я, старуха да оказалась больше прыткой, как вы все. С вами ли лэди-ласточка, мой серебряный джентльмен?»

«Серебряный» отвечает отрицательно, добавляя, что Роза теперь находится в сохранном, безопасном для нее месте.

«Полагаю так, ягнёночек, что еще ничего не было слышно о том молодом джентльмене, что звали Эдди?»

И старуха с замираньем сердца смотрит на Грейджиуса. Последний, в свою очередь, таращит на неё глаза, удивляясь подобному вопросу.

Не получая ответа на свой вопрос, Принцесса продолжает.

«А дядя молодого джентльмена не умер еще от горя? Аль он еще всё тоскует об племяннике?»

«Насколько известно *мне*, то он всё еще обретается на сей земле – живым и даже здоровым».

Принцесса боязливо оглядывается, и рука ее, которую она еще ни разу не вынимала из кармана, нервно двигается в своём потайном месте.

Грейджиус, удивляясь всё более и более, следит за непонятными ему движениями [и] продолжает молчать.

Всё еще, видимо, колеблясь, она просит его запереть дверь на задвижку и, принимая удивление Мистера Грейджиуса за страх, внушаемый ему собственной ее особою, прибавляет нетерпеливо:

«Вам нечего бояться, дорогой джентльмен, такой, как я, бедной старухи; и коль вы видите меня в бедной дурной одежде, еще не следует из того, чтобы сама старуха была такой же дурной аль поступала бы нечестно. Кто знает, нет ли чего такого под этим старым тряпьем, что более удивит вас и, может, обрадует, чем все красивые платья и драгоценности Англии».

Грейджиус, не говоря ни слова, идёт и запирает дверь.

Убедясь, что теперь они одни, старуха после небольшой паузы решает и говорит:

«Вам небезызвестно, ягнёночек, что малые тропинки да дорожки ведут всегда к большому полю; также оно бывает, что и малые приключеньца приводят к большим открытиям».

Она останавливается, и Грейджиус не прерывает её, ожидая припадка кашля с ее стороны. Но кашель не является, и, странно, с этой минуты он не слышит его более, как не услышит и впоследствии.

Она медленно вынимает руку из кармана, и на раскрытой ладони руки ее Грейджиус видит медальон. Но он не узнает его, и она подаёт его ему с следующими словами:

«Рассмотрите его поближе, дорогой сэръ, и скажите мне, видали ли вы его когда прежде и у кого?»

Он открывает его, подавив пружину, и на первой золотой пластинке замечает нацарапанные булавкой слова:

«Эдди от Кошечки».

Надев поспешно очки, он подносит медальон к окну и убеждается, что не ошибся:

«Я не сомневаюсь в том, что эта вещица принадлежала когда-то пропавшему молодому человеку», – говорит он наконец, подозрительно глядя на Принцессу.

«А если пропавший джентльмен да встретился с другим человеком по пути, который вернулся один да принёс с собою эту вещь, которую прятал от всех с тех пор, как вы думаете, что подумает об нём суд?»

И она вперяет на него горящий злобою и нетерпением взор.

Мистер Грейджиус открыл теперь медальон с другой стороны, и перед глазами его является портрет маленькой Розы.

Он отвечает старухе, что если действительно можно было бы доказать, что эта вещь находилась во владении того, который вернулся один, то хотя подозренье и могло бы пасть на него, так как эта вещица принадлежала пропавшему или даже убитому, но что улика не была довольно сильна, так как этот человек мог получить медальон на сохранение от исчезнувшего джентльмена до преступления, избравшего его жертвой.

«Счастливо для вас, джентльменов, – говорит старуха, – что ваши головы будут поумнее, чем голова старой старухи. А я ведь было думала, что и это улика добрая. Хорошо еще, что я не спешила выдать её, а пообождала, пока *тот*, что вернулся *один*, заметит пропажу свою да придёт

ко мне. Он и пришел было, да с тем и ушел, – продолжает она, злобно усмехаясь, – а лекарствецо мое всё-таки подействовало, и через него я и узнала, что если вы не так дорожите этой первой штучкой, то зато не побрезгаете вот этой...»

И она снова опускает руку в карман и вынимает оттуда кольцо; так сияют крупные бриллианты и рубины его на солнце, что их блеск, отражаясь в глазах Мистера Грейджиуса, заставляет его привскочить с места с криком изумления. С быстротою молнии бросается «Угловатый» надолго потерянную добычу, и так необычайно угловаты манеры его, что они вполне оправдывают собственное, придуманное им себе прозвище.

«Легче, легче, добрый джентльмен, – восклицает Принцесса, в то время как Грейджиус почти вырывает кольцо из ее рук. – Я для того и принесла вам его, чтобы отдать. Теперь я вижу, что оно ваше и что я не ошиблась. Доброе, доброе лекарствецо, как оно помогает старухе да рассказывает ей всё, что она желает только знать».

«Каким образом... как... где достали вы это кольцо?» – спрашивает Грейджиус, заикаясь от внутреннего волнения и пожирая глазами эту последнюю память о матери Розы.

«Прежде всего, ягнёночек, отвечайте мне на то, что я спрошу у вас: что подумал бы суд о том человеке, у которого нашлось бы это кольцо почти с год спустя после того, как пропал молодой джентльмен?»

Еще более зловещим огнём горят теперь подслеповатые глаза старухи при этом вопросе.

«Суд сказал бы и подумал то же, что и я думаю: что в том человеке, у которого нашлось кольцо, бьётся сердце низкого преступника, убийцы! И с этой уликой я докажу свои слова целому свету! Эдвин Друд получил его от меня накануне Прошлого Рождества и не расставался с ним до последней минуты; убийца его не мог добраться до кольца иначе, как умертвив его самого!»

В страшном волнении Мистер Грейджиус уж не бегаёт более лёгкой неожиданной рысью по комнате, но измеряет её тяжелою неровной поступью, и лицо его покрыто необычайной в таком деревянном человеке бледностью.

«Бог да благослови вас за ваши слова, дорогой джентльмен, – восклицает, в свою очередь, старуха, выпрямляясь во весь рост и подымая иссохшие руки к Небу. – Благослови Он вас и сохрани! Возьмите и сохраните кольцо, дорогой сэр, а я стану благодарить вас и молиться за вас во все остальные дни моей недолгой жизни лишь бы только удалось вам затянуть петлю виселицы на шее Джона Джаспера! Чудовище... низкий, жестокий убийца моей бедной единственной дочери! Он погубил её, мое сокровище, и заставил скитаться по улицам ее старую мать на целые долгие годы... Так! Так... Зато теперь пришла и моя очередь, мщенье-то еще слаже теперь после стольких лет мучения...»

Страшно перекошилось всё лицо старухи, которая сорвав в минуту торжества свою громадную шляпу, машет ею теперь по воздуху. Взглянув на неё, Мистер Грейджиус останавливается и с ужасом смотрит на эти всклокоченные седые волосы и на дико горящие, как у разъярённого зверя, глаза.

«Но, стало быть, вы – вы мать несчастной Бетси Трендерс? – спрашивает он в изумлении, вспомнив рассказ Фопперти. – Или же... неужели лежит на этом человеке еще какое-нибудь – третье преступление», – добавляет он, с ужасом ожидая ответа.

«Ха, ха, ха! – дико хохочет она. – Еще бы, я, конечно, – я сама мать той несчастной Бетси, хотя как *вы* то знаете об ней, я и не понимаю, только теперь я счастливая мать ее и буду еще счастливее в тот день, когда он повиснет на верёвке в руках у палача!.. По крайности, можно будет мне тогда спокойно умереть, мое дело будет сделано!»

«Но как вы успели получить от него эти вещи?»

«Потерпите, добрый джентльмен, сейчас скажу вам всё по порядку. А-га! – снова восклицает она с приливом свежей ярости. – Мало думал он, что я разгадаю его аль узнаю, кто он таков! Не узнал он меня, да я-то узнала его, разбойника; да, да, узнала, и доживу еще до того благословенного дня, что повесят его как собаку!»

Затем Принцесса начинает своё повествование, и через полчаса Грейджиус узнает всю историю посещений Джаспера к Принцессе Курилке в ее Полночный Дворец Опиума и Видений.

Сильный стук в двери прерывает конец ее рассказа; Мистер Грейджиус спешит отворить и встречает на пороге бледного и усталого Минор-Канона.

Не замечая унылого вида Криспаркля под влиянием сильного негодования и вместе с тем довольства о найденной против Джаспера улике, Грейджиус восклицает при первом взгляде на гостя:

«Вы вовремя являетесь, Преподобный сэръ! Насилу-то мы добились вещественной улики против Музыкального Негодяя, и нашему молодому другу не для чего более скрываться. Теперь ему остаётся лишь заявить о себе и оповестить весь свет о гнусном преступлении, или что оказалось, к счастью его, попыткой [покушения] на жизнь его родным дядей. Ни ему, ни бедному Ландлессу не нужно более прятаться. Вот доказательство о преступлении Джаспера. Теперь нам остаётся лишь арестовать его и ожидать приговора его к каторжной работе по меньшей мере, так как он успел избежать – хоть и не по доброй воле, конечно – виселицы!»

В эту минуту только замечает Грейджиус, что Криспаркль, который хотя слушает с видимым интересом о неожиданном появлении улики, так долго и терпеливо ожидаемой всеми ими, но что он бледен и, видимо, чем-то расстроен.

«Что с вами, дорогой сэръ? – осведомляется Грейджиус. – Вы, по-видимому, не разделяете моего удовольствия насчет приятной будущности, ожидающей наших двух молодых людей – Друда и Ландлесса?»

«Я именно и пришел к вам с тою целью, – тихо произносит Минор-Канон, с грустью глядя на Грейджиуса, – чтобы уведомить вас, что молодому Ландлессу поздно бояться теперь живого человека, кто бы он ни был. Невиль Ландлесс умер!»

«Умер! – восклицает Грейджиус в невыразимом смятении. – Невиль Ландлесс умер? Но когда же?»

Мистер Криспаркль объясняет ему в нескольких словах всю только что произошедшую перед тем печальную сцену в доме Мисс Кип, и на несколько минут между ними воцаряется глубокое молчанье.

«Бедный молодой человек! – грустно произносит, наконец, Грейджиус с более выразительной печалью на лице, нежели возможно было бы ожидать от его неподвижной физиономии. – Я давно ожидал этой смерти, но никогда не предполагал, чтобы она застигла его так неожиданно. Эта смерть убьёт сестру его, я очень боюсь за неё. Невыразимо жалею о нём, как и сожалею также о том, что он не дожил до дня, в который ожидало его такое справедливое, блестящее оправдание в взведённом на него преступлении. Да, бедному малому не видать более дня наказания врага его! Но мне лучше тотчас же отправиться и помочь бедной Розе... Кстати, – добавляет он, как бы вспомнив что, – как долго придётся нам ждать, чтобы окончить всю эту печальную церемонию похорон бедняги?»

«Пока нам будет необходимо похоронить его на время здесь. Дэтчери умолил – по каким-то известным ему одному причинам – Друда повременить еще с открытием до Рождества, и нам лучше всем пока промолчать о смерти бедного Невилля. Кроме нас мало кто интересовался или знал его. Для избежания случайного открытия племянника своего Джаспером Друд переехал по настоятельной просьбе Дэтчери к Тартару, с которым я его познакомил. Он будет ждать здесь, недалеко от вас, чтобы минул ровно год со дня неудавшегося преступления. Какая тайна лежит между Дэтчери и Джаспером, что побуждает его к преследованию последнего и каким новым, неизвестным нам пока преступлением навлёт на себя негодай эту страшную, неутолимую жажду мщения и ненависти со стороны этого незнакомца, вдруг явившегося так неожиданно между нами, – этого я не знаю, а Дэтчери не желает сам открывать. Но я боюсь, сильно боюсь будущего... Страшный отчет придётся отдать несчастному как Творцу его, так и людям!»

Грейджиус, обращаясь к Принцессе, всё время неподвижно сидевшей в углу до того, спрашивает её:

«Вы настаиваете на том, чтобы Джаспер был уличён и наказан?»

«Господь сохрани и помилуй нас, добрый сэръ, неужто ждала я восемь лет в муках, голоде и холоде, чтобы отказаться теперь от этого счастливого дня?» – отвечает старуха, свирепо глядя на обоих.

«Хорошо! Стало быть, с вашей стороны не будет затруднения ехать тотчас же в Клоистергэм и ждать там терпеливо дня возмездия? Можете ли вы приготовиться сегодня же к вечеру?»

«Не много нужно времени такой, как я, старухе, чтобы приготовиться ехать, куда ни потребуют её, – даже хоть на кладбище в гробу; скажите мне, когда мне следует ехать, и я готова хоть сейчас!»

Грейджиус, посоветовавшись в стороне от нее с Минор-Каноном, воз[в]ращается к Принцессе и уведомляет её, что она должна тотчас же идти домой и, захватив там всё, нужное ей на несколько недель, ожидать в семь часов вечера на станции железной дороги Минор-Канона, который и отвезёт её сам в Клоистергэм с вечерним поездом; а что она проведёт эту ночь у Мистера Криспаркля, но что на другое же утро он постарается найти для неё такую квартиру поблизости, в которой бы она могла оставаться, не привлекая на себе внимания Музыкального Учителя.

Принцесса, призвав еще раз благословение Небес на головы обоих джентльменов, выходит тотчас же из *П.Ж.Т.*, который, сияя для неё невидимыми для других словами, быть может: «Попался Же Ты!», заставляет её еще раз в этот день оскалиться на них с зловещей радостью. Фантастическая ее фигура исчезает за углом Стэпл-Инна в то самое время, как Минор-Канон с старым Грейджиусом печально направляются к дому, в котором проливаются в эту минуту столько горячих искренних слёз.

О! Когда прозрит, наконец, Род Человеческий? Когда освободится Он от этой мучительной, добровольно принятой на себя слепоты? То знает только Тот, для Кого ничего нет скрытого в Будущем! Но он недалёк, тот день. Мы это чувствуем – когда *Смерть* переменит свое мрачное имя на земле на *Возрождение* в Стране Свободы и Чистой Любви, а рождение на земной планете назовётся *Временной Неволей* и станет встречаемо со слезами и сожалением!